

Человек может быть бедным, но не должен быть нищим

Происходят похороны справедливости. На наших глазах

Век. — 995 — 18-24 авг. — с. 12

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Имя Виктора Черняка хорошо знакомо любителям детективной литературы. Он не только широко читаемый, но и весьма успешно раскупаемый автор. От собратьев по перу Виктора Черняка отличается стойкая неприязнь к так называемой милицейской прозе, посему действие его романов и повестей происходит, как правило, на Западе. На телевидении в течение двух лет шла его программа «Детектив Ленд». Он член Шведской академии детектива.

— Виктор Львович, каким ветром занесло вас в мир детективной литературы?

— Все произошло достаточно стихийно. Я окончил Институт связи, работал в одном техническом издательстве, параллельно писал юмористические рассказы, довольно рано стал членом Союза журналистов. Потом попал в издательство «Московский рабочий». Там я очень многое узнал о литературных бандах, о том, что нет ничего страшнее, чем творческая зависть. И еще одно жизненно важное знание я получил: до той поры мне казалось, что писатели — это что-то недостижимое, это Золя, Бальзак, Леонид Андреев, Куприн, Бунин. Увидев же ту графоманию, которую подписывали в печать мы, я сначала ужаснулся, а потом набрался смелости попробовать собственные силы на литературном поприще. Кроме того, к 1979 году мне совершенно осточертела государственная служба, и я твердо ре-

шил: больше в присутствие ходить не буду. Что мне еще оставалось? Воровать я не умел, а жить на что-то было надо. Вспомнились слова Юлиана Семенова: «Писательство — единственный вид частного предпринимательства, не запрещенный в нашей стране». Хотя я и не являюсь поклонником Юлиана Семенова, но сказано было верно. Вот так я и пришел в детективный жанр.

— Действие ваших произведений, как правило, разворачивается в западных странах. Любопытно, почему?

— Потому что в ту пору, когда я начинал, писать о нашей стране правду было нельзя, а сочинять панегирики самым кровавым правоохранительным органам в истории человеческой цивилизации я считал ниже своего достоинства. А вот о Западе можно было говорить, практически не привирая. Ведь природа человека изначально не слишком хороша, и подонки встречаются в любом обществе. Но наши идеологические структуры предпочитали думать, что это присуще только западной жизни. Поэтому я писал правду, но в воспаленном воображении наших идеологов это звучало как приговор капиталистическому строю.

— А тяжело было, сидючи в родимом крае, писать о «тамошней» жизни?

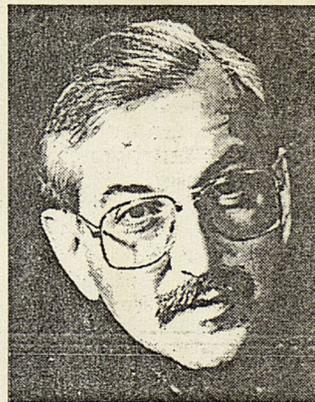
— Почему я так смело берусь за описание их жизни и нравов? Потому что глубоко убежден: мир переживаний западного человека абсолютно такой же, как и наш с вами.

Совершенно другое дело — Востоку, ориентальная культура. Я никогда бы в жизни не стал писать японский детектив, меня же раскусят на первой строке! Достаточно сказать, что у нас с японцами совершенно разное отношение к смерти, а это уже предполагает абсолютно иное мировоззрение. У них даже траурные одежды — белые. Нам этого не понять.

— Виктор Львович, вы всегда находились в некоей оппозиции к нашей милицейской литературе, да и вообще к писательскому миру в целом. Я как-то услышал от вас, что между понятиями «хороший писатель» и «порядочный человек» вы бы выбрали второе...

— И сейчас повторю то же самое. У нас все люди, которые формируют общественное мнение, — это люди густого коммунистического прошлого. Можно было бы снисходительно отнестись к этим людям: пусть поиграют в демократию. Но я вспоминаю о тех подлинных борцах с коммунизмом, что гнили в потыньских лагерях, и потому осеменяемые регалиями и наградами запоздалые «демократы» кажутся мне людьми безнравственными. Происходят похороны справедливости. Не могут палач и жертва идти в одной упряжке! Я не призываю к наказанию, я хочу некой идентификации — и больше ничего. Весь литературный мир знает, что был такой замечательный поэт д'Аннунцио и что он был фашистом. Так пусть и в нашей советской истории некто имярек будет назван хоро-

шим поэтом и — негодяем. Иначе получается, что, не избавившись от предыдущей лжи, мы вступаем на путь лжи очередной, и этот путь бесконечен. Я считаю, что в России творческому человеку редко сопутствует удача. В подавляющем большинстве его взлет связан с вовлеченностью в поле чекизма.

Чекизм в России — это способ существования. Не думаю, что есть еще в мире страна, которая посвятила бы столько времени и средств апологетике разведывательных спецслужб.

Вообще роль разведки в жизни крупных цивилизованных государств сильно преувеличена. Разведка должна заниматься очень узкими, специфическими вопросами, а не быть элементом философии общества. Долгое время разведчик в советской стране был одной из главных фигур нашего общественного пантеона. А, мне кажется, это — что-то вроде дворника ничуть не выше и не почетней

Попутно и себя поставлю на место: в России фигура писателя совершенно мифологична, это нечто среднее между мессией и секретарем обкома. А вот, например, в Америке статусное положение писателя — где-то между продавцом газет и проводником поезда. Это всего лишь профессия — ничего более. Мне бы очень хотелось, чтобы и разведчики, и писатели прошли ту же самую идентификацию.

— Вы подаете руку негодяю или в своих взглядах пойдете до конца?

— Я вообще не очень люблю институт рукопожатия как таковой, но это к слову. А теперь отвечаю на ваш вопрос: нет, не подам, если его негодяйство для меня очевидно. Я не горжусь своей репутацией, но дорожу ей. Знаете, я на телевидении два года вел свою передачу «Детектив Ленд». Мне хотелось, чтобы это была интеллигентная передача для интеллигентных людей. Но когда мне стали выворачивать руки и навязывать каких-то фашизоидных персонажей, я вынужден был уйти с телевидения. Или вот еще пример: у меня сейчас довольно много предложений от издательств, которые не подходят мне по политическим соображениям. Приходится отказываться, несмотря на коммерческую выгоду. Доброе имя все-таки дороже.

— Один мой знакомый считает, что все зависит от суммы. Может, вам мало предложили?

— Знаете, у меня были воз-

можности продаться. Если я не продался до сих пор, значит, и впредь не опущусь до этого. Но купить ведь можно не только деньгами, но и страданием. Или страданием близких. Тут я за себя не поручусь и вы не поручитесь. Глупо ставить свои принципы выше жизни родного человека. А что касается размеров суммы, то этот вопрос чрезвычайно болезненный для нашей страны. Многие люди вступают на путь обретения денег, пытаются выкупить свободу, и становятся заложниками этой ситуации. Богатство подчиняет себе человека. Один юрист заметил: «Ни о каком достоинстве человека не может быть и речи, если нет экономического достоинства». Мы ведь очень долгое время тешили себя иллюзией, что мы — бедные. Это страшное заблуждение. Мы — нищие. А расстояние между бедностью и богатством столь же велико, сколь велико расстояние между бедностью и нищетой. Нищета деформирует психику, превращает человека в негодяя, в ничтожество. После революции по России прокатился каток не бедности, а нищеты. Человек не должен быть богатым. Но он и не имеет права быть нищим.

— Что ж, надо быть бедняком?

— Нет, лучше находиться в пути от благопристойной бедности к богатству, но не слишком увлекаться этим процессом. Во взаимоотношениях человека и денег не должно быть радикализма. Экстремизм — он во всех проявлениях дурен.

— Вы хорошо ориентируетесь в запросах читательской аудитории?

— Честно говоря, я вижу, что рынок уже насыщен описаниями коллизий, как Иванов поставил Сидорову утюг на спину, как Петров рэкетирил Иванова и т. д. Наше криминальное бытие уже достаточно подробно описано. Теперь в моду входит технотриллер. Это очень здорово с познавательной точки зрения. У нас ведь частенько можно прочесть современный криминальный роман и почерпнуть из него то, что сформулировал еще, кажется, Салтыков-Щедрин: «Воруют-с». А прочитав западный детектив, вы многое узнаете об аппаратуре, оружии, а также — об обычаях, традициях и т. д.

— Я гляжу, ваши романы из западной жизни тоже изобилуют подобными подробностями...

— Знаете, самонадеянно полагать, что просто твои рассуждения заинтересуют читателя. В чем феномен Хейли, почему он так взлетел в свою пору? Да потому что один из первых понял: пришло время информационной прозы. В условиях страшного дефицита времени обидно, прочитав роман толстой с бедро взрослого мужчины, узнать, что есть любовь, ненависть, ревность и т. д. Российская литература в этом смысле грешит чрезвычайной серьезностью. Да и само российское бытие — тоже. Уинстон Черчилль, величайшая фигура двадцатого столетия, помимо того что возглавлял каби-

нет министров Великобритании, являлся еще и автором шести романов, нескольких сборников стихов. В общем, был широко образованным и развитым человеком. И вот уже на склоне лет он принимал интервьюера, и тот спросил: «Чему вы обязаны вашими многочисленными успехами?» Черчилль ответил: «Я всегда относился серьезно к тому, что мне поручали, и никогда серьезно не относился к самому себе». В России все обстоит прямо противоположным образом. Я понимаю, что мои книги не станут вкладом в мировую литературу. Но я понимаю также, что они могут поднять по крайней мере на одну ступень среднего российского гражданина, он о чем-то больше узнает.

— А скрасит досуг человека, три часа едущего, скажем, из Москвы в Тверь, как это со мной было, — высокая цель для вас?

— Несомненно! Мало того что вы потратили на мою книгу приличные деньги, так вы еще и пожертвовали на меня три часа своего времени! Это самая высокая оценка. Что может быть более ценно, чем мгновение человеческой жизни? Пристли прекусно говорил: «Каждый человек представляет из себя то, что он сумел сделать со своим временем».

Беседовал **Михаил НОДЕЛЬ**
Один из последних материалов Миши Ноделя публикуется после трагической гибели автора. Жизнь литературно одаренного человека оборвалась в 23...